

Максим ЖУКОВ

* * *

Что получаем в остатке неразделенной любви? —
Дачный поселок? — в порядке! — прочно стоит на крови.
Осени купол воздушный? — красные листья — ковром.
СССР простодушный мы никогда не вернем.
Нет — говорю — и не надо! Хватит того, что стою
Средь подмосковного сада в легкодоступном раю.

Как над «Поленницей» Фроста Бродский всерьез рассуждал,
Так над поленницей просто — я бы стоял и стоял.
Думал бы, чувствовал, видел; вспомнил бы все, что забыл:
Женщин, которых обидел; женщин, которых любил;
С кем оставлял без пригляда запертый на зиму дом;
Нет — говорил — и не надо, как-нибудь переживем.

Дачный поселок в порядке; и за домами вдали
Тянутся черные грядки преданной нами земли.
Наша кривая дорожка стала ничьей у ручья,
Смотрит с поленницы кошка, тоже до лета ничья.
Не существует страны той — с плохоньким инвентарем
Дачу оставим закрытой, кошку с собой заберем.

* * *

Идут по VIP-персонной —
По жизни центровой —
Сережка с Малой Бронной
И Витька с Моховой.
Практически — Европа.
Гражданская толпа.
Услуги барбершопа,
Веган-кафе и спа.

У всех живущих в центре —
Особый кругозор:
И BMW, и Bentley —
Заставлен каждый двор.

Максим Александрович Жуков родился в 1968 году в Москве. Поэт, прозаик, журналист (корреспондент «Литературной газеты»). Член Союза литераторов России. Лауреат международного конкурса «Tamizdat» специальный приз (2007). Победитель конкурса «Заблудившийся трамвай» (2012). Обладатель Григорьевской поэтической премии (2013). Публиковался в журналах: «Мулета-Скват», «Знамя», «Нева», «Юность», «Сибирские огни», «ДиН», «Шо» и др. Автор семи поэтических книг. Живет в г. Евпатории (Крым, Россия).

И прочно — пусть нелепо! —
Роднит одна земля
С агентами Госдепа
Прислужников Кремля.

Стритрейсер по наклонной
Летит как чумовой —
Сережка с Малой Бронной
Иль Витька с Моховой?
В хоромах эксклюзивных
Который год подряд,
Наевшись седативных,
Их матери не спят.

Сплошные биеннале.
Хотя не тот задор,
Кураторы в подвале
Ведут привычный спор:
Почти во всякой фразе —
«Контемпорари-арт».
Как лох — так ашкенази,
Как гений — так сефард.

Но если кто из местных,
То ты за них не сцы!
Сидят в высоких креслах
Их деды и отцы:
Фанаты рок-н-ролла,
Любители травы.
Одни — из комсомола,
Другие — из братвы.

Но всем с периферии
Девчонкам, что ни есть,
За столики пивные
Возможность есть подсесть —
С улыбкою нескромной
И с целью деловой
К Сережке с Малой Бронной
И к Витьке с Моховой.

И, влезшие счастливо
В шикарные авто,
Под крафтовое пиво
О тех не вспомнят, кто
За этот кайф бездонный,
За праздничный настрой
В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой.

* * *

Снова — слышишь? — в поле звук —
Это — ДШК —
Встаньте, дети, встаньте в круг,
Чтоб наверняка.
Встаньте, дети, как один —
Вместе веселей! —
Из подвалов, из руин,
Изо всех щелей.

Невозможной синевы
Небо из окна.
Где в войну играли вы —
Пятый год война.
Приумножилось разлук
В стороне родной;
Ты мой друг, и я твой друг,
Посиди со мной.

Что сказать тебе хотел,
Не скажу пока:
Снова — слышишь? — артобстрел,
Снова — ДШК.
Ржавый танк, как старый жук,
Загнан в капонир.
Встаньте, дети, встаньте в круг,
Измените мир.

Чтоб над каждой головой,
Чистый, как кристалл,
Невозможной синевой
Небосвод сиял.
Хватит горестей и бед,
Тех, что — искони!..
Дети встанут, и в ответ
Скажут мне они:

— Снова — слышишь? — в поле звук —
Залповый режим.
Ты мой друг, и я твой друг,
Мы давно лежим
Там, где тянется в пыли
Лесополоса,
И звучат из-под земли
Наши голоса.

* * *

Который год в тюрьме моей темно,
И море на отшибе колобродит;

И, может, лучше, что ко мне давно,
Как к Евтушенко, старый друг не ходит.

А постоянно ходят — oh my God! —
Лишь те, что называются «с приветом»...

В моей тюрьме темно который год,
Как в келье с отключенным Интернетом.

И женщина, которая — акме,
Давно со мной не делит страсть и негу.

Который год темно в моей тюрьме,
Да так, что лень готовиться к побегу.

EXEGI MONUMENTUM

Катафалк — в итоге — данность,
Неминуемое дно;
«Все умрут, а я останусь!» —
Только тизер для кино.

Можно с гордостью бесстыжей
Заявить не ко двору —
Как в стихах когда-то Рыжий:
«Я поэт и не умру».

Нет-нет-нет, не поднебесье —
Равнодушная земля —
Весь умру или не весь я,
Примет полностью меня.

Ежедневно к той могиле
По тропе, среди оград,
Чтобы люди приходили,
Надо ставить банкомат.

Катафалк и тот — нормальный —
Подадут, боюсь, не враз:
С маркировкой «Ритуальный» —
В лучшем случае ЛиАЗ.

Рыжий был излишне грустен,
Сам себе не по нутру;

Я б скромней сказал: «Допустим,
Как поэт я не умру».

Кто-нибудь из книгоманов
Возразит, сбивая спесь:
Это, мол, сказал Иванов.
Я проверил — так и есть!

Хоть любил и не был снобом,
Но читатель мой вослед
Не пойдет толпой за гробом,
Не покинет Интернет,

Где меня водили за нос,
Где я комменты не тру...
Где прочитанным останусь
И непризнанным умру.

НА ПРОЩАНИЕ

Снова море колобродит:
Посреди дождя
То уходит, то приходит,
Плачет, уходя.

Недоедено хинкали;
Сквозь прибрежный гул
Из динамиков в курзале
ДДТ олд скул.

Подыграй, прикинься Музой,
Пеной и волной,
Где курортник толстопузый
Плавает с женой.

Хватит жить всеобщим горем,
Раны бередя;
Подыграй, прикинься морем,
Небом без дождя.

Так, как будто бы любила —
Сотвори добро,
Пожалей, как Коломбина,
Своего Пьеро.

Чтоб слышал на прощанье,
Как когда-то я:
Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья.

* * *

Заболев, я думал о коте, —
С кем он будет, ежели умру?
О его кошачьей доброте,
Красоте; и прочую муру

Думал я и спрашивал: ну вот
В душной предрассветной тишине
Так же, как ко мне подходит кот, —
Подойдут ли ангелы ко мне?

И пока расплавленный чугун,
Застывая, сдавливает грудь,
Будь бобтейл он или же мейн-кун,
Без проблем забрал бы кто-нибудь.

Вьюгой завывает месяц март,
Провожая зимушку-зиму,
В подворотне найденный бастард
Нужен ли окажется кому?

Если доживу до декабря,
Буду делать выводы зимой:
Те ли повстречались мне друзья?
Те ли были женщины со мной?

Никого ни в чем не обвиню.
И когда обрадованный кот
На кровать запрыгнет — прогоню:
Он не гордый, он еще придет.

Без обид на свете не прожить;
Но когда настанет мой черед,
Сможет ли Господь меня простить
Так же, как меня прощает кот?